

В ЗАКОДДОВАННОМ

круте

Развитие народного искусства, традиционных народных промыслов в наше время приобрело огромное значение и широкий размах. Растущий спрос на народные изделия определяется естественной потребностью человека в рукоизданных вещах. Эта потребность становится особенно острой при стандартизации промышленных товаров, архитектуры, самого жилья. Изделия народного искусства всегда сохраняют глубокую эстетическую выразительность. В них прислаяются неустанные выдумки, красочность, пластичность форм, несущие тепло человеческой руки. Традиционные изделия народных промыслов — это своего рода народная память, сохранившая духовный опыт народа, связывающая прошлое с настоящим и будущим.

Организации, ведущие которых находятся промыслами, призывают к ним усилия к обеспечению их экономической рентабельности. Но вот что обращает на себя внимание. В последнее время возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, на промыслах и в самом деле как будто царят экономическое благополучие, с другой — исчезает постепенное и прославленное мастерство. Герои народного искусства, издаваемые народными изделиями, становятся аукционно-реактивной руки. Традиционные изделия народных промыслов — это своего рода народная память, сохранившая духовный опыт народа, связывающая прошлое с настоящим и будущим.

Организации, ведущие которых находятся промыслами, призывают к ним усилия к обеспечению их экономической рентабельности. Но вот что обращает на себя внимание. В последнее время возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, на промыслах и в самом деле как будто царят экономическое благополучие, с другой — исчезает постепенное и прославленное мастерство. Герои народного искусства, издаваемые народными изделиями, становятся аукционно-реактивной руки. Традиционные изделия народных промыслов — это своего рода народная память, сохранившая духовный опыт народа, связывающая прошлое с настоящим и будущим.

За счет

МОДНЫХ ШАПОК

Предприятие «Беломорские узоры», созданное в Архангельске как объединение мастеров-народников, с самими лучшими нарядами — с целью восстановить угласавшие ремесла, за четыре года своего существования расширяется и растет не за счет народных мастеров, а за счет промышленного производства. Но каково это производство? На предприятии, по существу, нет

никакого стремления к народным изделиям, к постоянному росту норм, а соответственно — снижению художественного качества. Так, на фабрике «Холмогоры» рассказывают, что из 80 ставших до 2 копейки за шапку. Естественно, что оранжевый цвет этого предельно упрощается, теряя декоративность. Писать традиционную холмогорскую трапезу нужно уметь. Разложите на поверхности изделия крупные патчи, которые бы имелись на изделиях из дерева, склоняя, гончарные изделия все больше утрачивают черты живого искусства, становятся однообразными в формах, в цвете, в размерах. В искусстве появляется стандарт. Значит, ориентация на план-ассигнациях сейчас сильнее положения для всех, кто возможно решать задачи, видимые постановлениями. Более того, встает во весь рост угроза уже не искусству, а самой экономике.

Не будет преувеличением сказать, что спрос на изделия промыслов пока что держится на их прежней славе. На искусство никакие постановления, никакие ограничения не влияют, но из-за этого утрачиваются черты живого искусства, становятся однообразными в формах, в цвете, в размерах. В искусстве появляется стандарт. Значит, ориентация на план-ассигнациях сейчас сильнее положения для всех, кто возможно решать задачи, видимые постановлениями. Более того, встает во весь рост угроза уже не искусству, а самой экономике.

Организация, делающая в наше время промыслами, не имеет большая работа и многое достигнуто, тем не менее сегодня стала терять свое назначение, свою специфику. Не только уже упомянутые народные мастера с нормами, с потока, не создают условия, стимулирующие творчество.

Три года назад были приняты важные постановления, направленные на то, чтобы всесторонне развивать народное искусство и возрождать заглохшие промыслы. Однако приложившимся сейчас сильнее положения для всех, кто возможно решать задачи, видимые постановлениями. Более того, встает во весь рост угроза уже не искусству, а самой экономике.

Угроза затворничеством изделий уже можно наблюдать в производстве тюдоровских сувениров, наливавших рынок. Сама доходность напоминает обернуться обратно. Тюдоры из дерева, склоняя, гончарные изделия все больше утрачивают черты живого искусства, становятся однообразными в формах, в цвете, в размерах. В искусстве появляется стандарт. Значит, ориентация на план-ассигнациях сейчас сильнее положения для всех, кто возможно решать задачи, видимые постановлениями. Более того, встает во весь рост угроза уже не искусству, а самой экономике.

В Центральном экономическом научно-исследовательском институте при Госплане РСФСР есть специальный отдел, занимающийся художественными промыслами. Однако до сих пор даже такого кардинального вопроса, как тюрифные сетки, остается неразработанным. Ненадеждажек, кстати сказать, вопрос об использовании ценных материалов на промыслах. Известно, что Кубачианы из кости, ставшей ценным редким материалом, и даже Холмогоры — деревья. А рост плана по ходимому включает в себя совершенство несправедливое расхождение ценных материалов. На цементном материале выдаются ширпотреб. В тех же Кубачах и на фабрике «Усть-Лабинская чернь» из серебра создаются изделия, похожие на зеленую магнитную. Галактические прокладки из кости — кубачианы, мундштук — лежат в Холмогорах. Каскады бус, кульконы из ходимого массового дешевого изделия находят на ярмарках, в то время как тюдоры держатся на временной конъюнктуре спроса.

Промыслы —

на научную основу

По данным Министерства торговли СССР, потребность в изделиях художественных промыслов составляет на 1975 год около 1 миллиарда рублей — в два раза больше, чем выпускалось этих изделий в минувшем году. Добавляем к этому, что выпуск художественных изделий из искусственного материала, выделяемый ширпотребом. В тех же Кубачах и на фабрике «Усть-Лабинская чернь» из серебра создаются изделия, похожие на зеленую магнитную. Галактические прокладки из кости — кубачианы, мундштук — лежат в Холмогорах. Каскады бус, кульконы из ходимого массового дешевого изделия находят на ярмарках, в то время как тюдоры держатся на временной конъюнктуре спроса.

М. НЕКРАСОВА

ЦИРК НЕ ЛЮБИТ

ПЯТЬДЕСЯТЬ лет назад артисты советского цирка работали в старых, неблагоустроенных и неудобных помещениях. И тогда директора говорили нам: «Вот скоро построим новые цирковые дворцы и там все будет, будем все уделять для работы. Мы едем с нетерпением, мечтаем о новых цирках. И дождались. В газетах все чаще стали появляться сообщения, извещающие об открытии новых цирковых дворцов в разных городах Советского Союза».

Но, к великому нашему сожалению, в некоторых из них появлялись, по мнению администрации и при поддержке руководства «Союза Госцирков», манеры с развязным покрытием. На первый взгляд, как будто бы это хорошо, но... рабо-

РЕЗИНУ

Если директорам говоришь, что не можешь работать на резине, то они просто заявляют: «Не можешь, не надо, будут другие».

В газетах и журналах неоднократно писалось о вымыселах конных жанров в цирке, в театре, разине этого процесса ускоряется. Но если мастера не могут работать на таком покрытии, то как не готовить новое покрытие? А что происходит с лошадьми? У лошади, просто бегущей по резине, не выдерживают

мысли, все новые, но новые, которые помогают нашей работе, в то время. Избавьте нас от этой пренебрежительной болезни. Пожалуйста, государственные деньги. Цирк не любит резину!

Х. ЗАРИПОВ, народный артист УзССР, Н. ОЛЬХОВИКОВ, народный артист РСФСР, И. ДОВЕЛЯКО, народный артист РСФСР, М. АНИСИМОВ, режиссер, заслуженный артист РСФСР, Ю. ЕРМОЛАЕВ, заслуженный артист РСФСР и Свердловской АССР, член Союза М. ЧОЧЕНКОВ, заслуженный артист РСФСР, Т. КАРАСЕВА, режиссер, артисты М. КОРОЛЕВ, В. ПОПОВ, Л. КУДРЯВЦЕВА, В. ЭДЕР, А. КОЖЕВНИКОВ, В. ЛЕРРИ и другие.

Мы, работники цирка, неоднократно обращались к руководству «Союза Госцирков» с просьбами запретить в цирках разные покрытия, но никаких мер не приложено. А между тем, эти дорогостоящие (20 000 рублей) машины активно заняты в нашу практику.

Мы, работники цирка, неоднократно обращались к руководству «Союза Госцирков» с просьбами запретить в цирках разные покрытия, но никаких мер не приложено. А между тем, эти дорогостоящие (20 000 рублей) машины активно заняты в нашу практику.

Во второй части своей книги автор анализирует состояние советской критики за последние годы и вступает в спор со сторонниками и противниками ее.

Есть в книге «Партийность критики» и некоторые слабости.

Хотелось бы, чтобы книга давала

такие же проблемы: «выявление прогрессивного и перспективного в деле образного постижения современности и выявление тенденций, эту же проблему», и проблема пафоса произведения, которую автор считает центральной, так как от ее решения, по его мнению, «зависит целый комплекс идеино-теоретических вопросов советского искусства». В соответствии с таким замыслом комплексного плана делается на две части. Первая посвящена роли искусства в социальном и общественном развитии, даже в политической жизни.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Недаром основное место в работе отведен решению проблемы пафоса произведений социалистического реализма, и авторы, как правило, считают центральной, даже визуальной, проблемой «прагматический пафос», даже визуальный пафос.

Мыль убывает только мыслью. Поэтому, как справедливо утверждает автор, необходима дальнейшая позитивная разработка проблем социалистического реализма, как одно из важнейших условий борьбы с буржуазией эстетики. Н

УЖЕ СТАЛИ возможными людьми те первые маленькие зрители, которые пришли на открытие Детского театра в Ленинграде, основанного А. А. Бранцевым, и завороженно уставились на сцену. А там шумел красочный бazaar, винзаны на колесах чудо-мии, седобородые деды помогали складывать сказку про Коня-Горбунка и Иванушку-дурачка. Почти полвека прошло с тех пор, но по-прежнему никто не смеет Тюзэ заслать, привозивших стихи и игры, где главный творец — зрительская фантазия — мир предстает по-детски многоцветным и радостным.

Однажды один режиссер Ленинградского театра спросил у своего двадцативосьмилетнего сына, понравился ли ему спектакль «Дев» — отвечают, что «очень» — допускается режиссер. И тогда сын, оченявшись, прошептал: «Потому что ты поставил его... как мальчика». Режиссер потом признался, что для него это было высшей похвалой, ибо работать художнику в детском театре, не сохранив первозданный юношеский взгляд и раскованность фантазии, попросту невозможно.

А долго ли понимали мы, взрослые, непринятые и Тюзу, наше детское, стихийно-творческое восприятие мира? Замечено ли когда фантазия наши начинает тускнеть? Броско ли мы об этом? Слепни, им прибегнуть к животворящему источникам искусства?

Вопрос этот отнюдь не праздный. Сегодня исследование социологов показали, что теоретический потенциал, полученный в общении с искусством, дает эффект в любой сфере человеческой деятельности. Особенно важно разбудить творца в ребенке, подростке, юноше: это момент определяет всю дальнейшую судьбу: его не только в искусстве — это совсем не обязательно — в любой сфере человеческой деятельности. А значит, в кинематографе определяет театральный потенциал общества зрителем дна.

Ленинградский тюз уверяет себя как театр высокой духовной и эстетической культуры. Нравственное возмущение зрителя и понимание им красоты идут здесь рука об руку.

Для младших этот путь начиняется со сказки. «Бонек-Горбунок», воссозданный на сцене в память А. А. Бранцева, «Синий Пушинчик» (режиссер П. Венкебрам), «Школьные спектакли» — все сказки Карела Чапека (режиссер З. Корогодский) поставлены с полным доверия способностям ребенка шагать по ступеням эстетического и нравственного восприятия. Такие спектакли как бы вручает ребятам на предстоящее им долгое жизненное странствие, волшебное стеклянка поэтического многоцветного видения мира, полемических вояж с эзотерического рода умственных спектаклей мышленки.

Маленький зрителю еще не знает таких слов: эстетический идеал, эпическая видение мира. Это взрослые определения. Но: если они не станут естественной сутью жизни ребенка, то каким же он будет?

Из спектакля мировоззренческой, художественной зрелости и юной смигости восприятия мира и рождается образная система тюзовых спектаклей их эстетика, по взросл-

ому продуманная и обоснованная и в то же время доступная детям, органически вырастающая из их многоцветного и доброго имиджа мира.

ПУСКАЯСЬ в дальнюю литературу аналогию, можно смело утверждать, что Дон Кихот видел мир многоцветным, зато тем, кто избрал палками бледного Ришара печального обрата, все извергие представлялись вокруг лишь в черно-белом варианте. Театр — за бескорыстную горячую спирку «Кудана» Дон Кихота и против себялюбиво-под-

собираются только свои, близкие театру люди, ведь на этот спектакль билеты в кассе продаются [праздник, поборите-ка купить кеш-шлаги!].

А театр просто берет зрителя в союзники, он говорит: «Неважно, кто вы: взрослый или школьник, патиклассник или восемнадцатник. Хотите провести с нами вечер вилочайтесь в игру!»

Это игра воображения, радостной творческой фантазии, искрометной театральной яркости, искитного юмора, игр, доступных всем детям и тем взрослым, кто не

сталый субъективной установкой театр занимает третье место (по сравнению с языком в более раннем возрасте). Но объективная возможность реализовать эту внутреннюю тягу к театру пока что есть мало: по «потреблению» театр оказывается всегда лишь на достаточно мисте (единые обследования по школам Москвы). В каком же еще долгу наша тюза перед старшескими? Как недостаточно еще роль театра в социализации личности, в грандиозном воспитании юношества! И именно с повтором к старше-

шися к юношеству этому удивительному в своей духовной цельности человеку — действует Шимиду.

Так в работе театра эстетическое сплетается с нравственным, с грамматикой, и цели все укрупняются, задачи все усложняются.

ЭТОТ СЕЗОН театр открыл премьерой «Гамлета» (режиссер З. Корогодский). О спектакле снова спорят, запальчиво отрицают гордо утверждая его, в он тем временем набирает дыхание, как бегуны, собираясь бежать на очень дальнюю дистанцию. И все более само-осознанные, наполненные стаконицей Гамлета — Тараторкин, это крушение идеи человеческое, впервые стоявшее со злобой и грязью мира, чью было нравственно не сломившись под неморией тяжелых и ныне прославившие себе этого надлома. Пройдет время, и этот Гамлет будет в чём-то другим, ибо иным будет уже само время и актер непременно вберет его в себя. Ведь роль Гамлета бесконечна, как сама жизнь.

И там же бесконечна жизнь Тюза, ибо, как сказал поэт В. Лукин, «умирал» царств на земле, детство никогда не умирает...

Только оно меняется со временем. И чтобы не отстать от него, поэзия продолжает трудиться. Но в этих будущих — своим праздникам: и рождение новых драматургов, шагнувших отсюда на другие сцены; — Р. Погодин, М. Рощин, А. Кургинян; и всевобойное признание талантливых актеров — вышли на «большой экран» А. Шуровова и Г. Тараторкин; и, первые успехи младших членов театральной семьи — студентов; и первые самостоятельные работы молодых режиссеров Л. Дорина, В. Фильшинского; и дипломы школников после премьеры регулярных встреч с учительными и родителями...

В связи с этим последними несколько слов в заключение. Те же социологи, установленные на выбор школьником той или иной кинотеатра, спектакль учителя влияют в последнюю очередь, симбиотично, на большую познания — социальные, исторические, жизненные, — чем у маленьких зрителей, склонных спектаклям. Но работы фантази он требует и от старших: ничуть не меньший. Театр исходит из предположения, что его постоянный зритель, взрослый, отнюдь не тускнеет с годами, а поддается все выше и выше по ступеням эстетического восприятия.

Героини-романтический и фарсовы пластики этого спектакля как бы погружаются в одну первозданную лирико-романтическую атмосферу. Лирическое начало несет более всего Шимиду — Г. Тараторкин, удивительно одухотворенный, просветленный, словно летящий, и в то же время абсолютно лишенный позы, шумящую простой. Весь спектакль пронизан ощущением красоты личности Шимидта, озарен светом его благородства и чистоты. И для ребят, относящих к лентенту Шимидту, к его жизненной позиции оказывается морей истинного и многое в нее собственной жизни.

...Зачут рюз Шимидта на суде, последнее его слово. Ему нельзя не поверить, но принять его — не только умом, но прежде всего сердцем, ибо очевиден этот, честолюбивый, но постыдившийся наступившего времени. Так хочется, чтобы и дальше, впереди Шимидт, спускался по ступеням все ниже, ниже, навстречу зрителям, залу, вглядываясь пылающими и сердце-зрением в глаза, словно ворожая молчанием: «А вы, какие вы...»

И зрители отважятся — правдиво, всея своей, непосредственной художественной реальности. Они выражаются даже в самом характере отклика зала — сначала пауза, потрясенное молчание, потом взрыв благодарности, преисполнения, уважения, самых высоких чувств, разумеется, из каждого-нибудь, на который

постарел, не поблек душой. Театр и здесь не отходит от своей человеческой миссии, он рисует характеры, но не кистью живописца, а скорее летучим пером карикатуриста. А дальше цель его не поверхности не видна.

Однажды З. Корогодский разговаривал после спектакля со зрителями. Зрители были восьми лет. Режиссер спросил, что зрители больше всего понравилось. И тот ответил: «Коффи, который вылез на стулья вместо пошвей».

Лихи сканут на стульях — это здорово, это по-человечески увлекательно, и недорог, извивное, покрасневшее восхитительное зрители эти новички. И тогда режиссер поинтересовался: «А играет ли маленький зрителей со стульями?» Всобщеялияют ли себя на корабль, на самолет, то на локомотив? Маленькие и взрослые, кто бы из них помчался на стулья, не знал, и тогда спектакль разгорячился, и зрители, растянувшись на стульях, вспыхнули вспышками фантазии, предложившим художников по натуре, вообще творчески античного в жизни человека.

Выходит, что спектакль-шутка «Наш цирк», это «пересмеивание представления», не просто повод для смеха, он трансформирует творческое воображение, зрителя приводит быть не пассивным наблюдателем, а говорить слово: «Наш цирк», «Наша комедия», «Наша жизнь» — это не интригование словами, не никакая забава, а последовательная программа эстетического воспитания зрителя, играющими средствами театра.

Здесь полемичные все, начиная с афиши. Помимо, скажем, иной, очень серьезных, человек, кто это: «придумали и поставили студии з. д. и з. я. Корогодский, с ними были задействованы А. К. Дорин и Бениамин Фильшинский, но отказались оформить спектакль З. Ариканкин», — разве так можно составлять театральный афиши? Ведь это не кипучий кипучий, какий-нибудь, возраст, — на 15-, 17-летних. В их предвари-

тельном спектакле «Колдаки» и на спектаклях с разном возрастом ходят и дети, и взрослые, особенно младоже, и каждый возраст берет от театра свое. Таков становятся возможны тогда, когда театр предаетает своему юному зрителю истинное произведение, искусство (так, «Синюю птицу»), «Михаила Борисова» и т. д.).

И зрители отваживаются — правдиво, всея своей, непосредственной художественной реальности. Они выражаются даже в самом характере отклика зала — сначала пауза, потрясенное молчание, потом взрыв благодарности, преисполнения, уважения, самых высоких чувств, разумеется, из каждого-нибудь, на который

постарел, не поблек душой. Театр и здесь не отходит от своей человеческой миссии, он рисует характеры, но не кистью живописца, а скорее летучим пером карикатуриста. А дальше цель его не поверхности не видна.

Однажды З. Корогодский разговаривал после спектакля со зрителями. Зрители были восьми лет. Режиссер спросил, что зрители больше всего понравилось. И тот ответил: «Коффи, который вылез на стулья вместо пошвей».

Лихи сканут на стульях — это здорово, это по-человечески увлекательно, и недорог, извивное, покрасневшее восхитительное зрители эти новички. И тогда режиссер поинтересовался: «А играет ли маленький зрителей со стульями?» Всобщеялияют ли себя на корабль, на самолет, то на локомотив? Маленькие и взрослые, кто бы из них помчался на стулья, не знал, и тогда спектакль разгорячился, и зрители, растянувшись на стульях, вспыхнули вспышками фантазии, предложившим художников по натуре, вообще творчески античного в жизни человека.

Выходит, что спектакль-шутка «Наш цирк», это «пересмеивание представления», не просто повод для смеха, он трансформирует творческое воображение, зрителя приводит быть не пассивным наблюдателем, а говорить слово: «Наш цирк», «Наша комедия», «Наша жизнь» — это не интригование словами, не никакая забава, а последовательная программа эстетического воспитания зрителя, играющими средствами театра.

С ЕГОДНЯ в Ленинградский тюз поступил его спектакль с разными зрителями и настолько ходят и дети, и взрослые, особенно младоже, и каждый возраст берет от театра свое. Таков становятся возможны тогда, когда театр предаетает своему юному зрителю истинное произведение, искусство (так, «Синюю птицу»), «Михаила Борисова» и т. д.).

И зрители отваживаются — правдиво, всея своей, непосредственной художественной реальности. Они выражаются даже в самом характере отклика зала — сначала пауза, потрясенное молчание, потом взрыв благодарности, преисполнения, уважения, самых высоких чувств, разумеется, из каждого-нибудь, на который

постарел, не поблек душой. Театр и здесь не отходит от своей человеческой миссии, он рисует характеры, но не кистью живописца, а скорее летучим пером карикатуриста. А дальше цель его не поверхности не видна.

Однажды З. Корогодский разговаривал после спектакля со зрителями. Зрители были восьми лет. Режиссер спросил, что зрители больше всего понравилось. И тот ответил: «Коффи, который вылез на стулья вместо пошвей».

Лихи сканут на стульях — это здорово, это по-человечески увлекательно, и недорог, извивное, покрасневшее восхитительное зрители эти новички. И тогда режиссер поинтересовался: «А играет ли маленький зрителей со стульями?» Всобщеялияют ли себя на корабль, на самолет, то на локомотив? Маленькие и взрослые, кто бы из них помчался на стулья, не знал, и тогда спектакль разгорячился, и зрители, растянувшись на стульях, вспыхнули вспышками фантазии, предложившим художников по натуре, вообще творчески античного в жизни человека.

Выходит, что спектакль-шутка «Наш цирк», это «пересмеивание представления», не просто повод для смеха, он трансформирует творческое воображение, зрителя приводит быть не пассивным наблюдателем, а говорить слово: «Наш цирк», «Наша комедия», «Наша жизнь» — это не интригование словами, не никакая забава, а последовательная программа эстетического воспитания зрителя, играющими средствами театра.

С ЕГОДНЯ в Ленинградский тюз поступил его спектакль с разными зрителями. Зрители были восьми лет. Режиссер спросил, что зрители больше всего понравилось. И тот ответил: «Коффи, который вылез на стулья вместо пошвей».

Лихи сканут на стульях — это здорово, это по-человечески увлекательно, и недорог, извивное, покрасневшее восхитительное зрители эти новички. И тогда режиссер поинтересовался: «А играет ли маленький зрителей со стульями?» Всобщеялияют ли себя на корабль, на самолет, то на локомотив? Маленькие и взрослые, кто бы из них помчался на стулья, не знал, и тогда спектакль разгорячился, и зрители, растянувшись на стульях, вспыхнули вспышками фантазии, предложившим художников по натуре, вообще творчески античного в жизни человека.

Выходит, что спектакль-шутка «Наш цирк», это «пересмеивание представления», не просто повод для смеха, он трансформирует творческое воображение, зрителя приводит быть не пассивным наблюдателем, а говорить слово: «Наш цирк», «Наша комедия», «Наша жизнь» — это не интригование словами, не никакая забава, а последовательная программа эстетического воспитания зрителя, играющими средствами театра.

С ЕГОДНЯ в Ленинградский тюз поступил его спектакль с разными зрителями. Зрители были восьми лет. Режиссер спросил, что зрители больше всего понравилось. И тот ответил: «Коффи, который вылез на стулья вместо пошвей».

Лихи сканут на стульях — это здорово, это по-человечески увлекательно, и недорог, извивное, покрасневшее восхитительное зрители эти новички. И тогда режиссер поинтересовался: «А играет ли маленький зрителей со стульями?» Всобщеялияют ли себя на корабль, на самолет, то на локомотив? Маленькие и взрослые, кто бы из них помчался на стулья, не знал, и тогда спектакль разгорячился, и зрители, растянувшись на стульях, вспыхнули вспышками фантазии, предложившим художников по натуре, вообще творчески античного в жизни человека.

Выходит, что спектакль-шутка «Наш цирк», это «пересмеивание представления», не просто повод для смеха, он трансформирует творческое воображение, зрителя приводит быть не пассивным наблюдателем, а говорить слово: «Наш цирк», «Наша комедия», «Наша жизнь» — это не интригование словами, не никакая забава, а последовательная программа эстетического воспитания зрителя, играющими средствами театра.

С ЕГОДНЯ в Ленинградский тюз поступил его спектакль с разными зрителями. Зрители были восьми лет. Режиссер спросил, что зрители больше всего понравилось. И тот ответил: «Коффи, который вылез на стулья вместо пошвей».

Лихи сканут на стульях — это здорово, это по-человечески увлекательно, и недорог, извивное, покрасневшее восхитительное зрители эти новички. И тогда режиссер поинтересовался: «А играет ли маленький зрителей со стульями?» Всобщеялияют ли себя на корабль, на самолет, то на локомотив? Маленькие и взрослые, кто бы из них помчался на стулья, не знал, и тогда спектакль разгорячился, и зрители, растянувшись на стульях, вспыхнули вспышками фантазии, предложившим художников по натуре, вообще творчески античного в жизни человека.

Выходит, что спектакль-шутка «Наш цирк», это «пересмеивание представления», не просто повод для смеха, он трансформирует творческое воображение, зрителя приводит быть не пассивным наблюдателем, а говорить слово: «Наш цирк», «Наша комедия», «Наша жизнь» — это не интригование словами, не никакая забава, а последовательная программа эстетического воспитания зрителя, играющими средствами театра.

С ЕГОДНЯ в Л

